

Г Л А В А XIII.

Кампанія 1831 года.

Несбывшіяся ожиданія.—бивуакъ при Милосяѣ.—Отступленіе русской арміи.—Военный совѣтъ въ Рыкахъ и переходъ полка на новыя квартиры.—Ликваніе Варшавы.—Холера въ русской арміи и въ нашемъ полку.—Дѣятельность полковаго медика Држевицкаго.—Наступительное движеніе къ Минску.—Дѣло 14-го апрѣля при Минскѣ.—Опять назадъ!—Духъ недовольства въ нашей арміи.—Свѣтло-Христово Воскресеніе на русскихъ бивуакахъ.—Томительное бездѣйствіе.—Опять впередъ и снова назадъ.—Ропотъ войска.—Полкъ въ отрядѣ генерала Кнорринга.—Движеніе Кнорринга въ Бѣлостокскую область.—Соединеніе въ Гроднѣ съ отрядомъ гр. Куруты.—Сраженіе 7-го іюня на Понарскихъ высотахъ подъ Вильной.—«Аппель» послѣ побѣды.—Опять бездѣйствіе.—Запоздалое преслѣдованіе Гелгуда.—Смерть Цесаревича Константина.—Высочайшій приказъ по случаю сего горестнаго событія.—Поручикъ Уланъ.—Панихида по Августѣйшемъ Шефѣ.—Движеніе полка къ главной арміи въ отрядѣ гр. Крейца.—Движеніе къ Калишу.—Дѣло подъ Калишемъ и занятіе сего города, какъ послѣдній боевой эпизодъ изъ исторіи полка въ кампанію 1831 года.

Поляки въ крайнемъ безпорядкѣ спѣшили отступить за укрѣпленія Праги. Канонада еще продолжалась нѣкоторое время, но вскорѣ и она затихла подъ покровомъ мглистаго вечера. Отъ пороховаго дыма и сыраго тумана сдѣлалось такъ темно, что въ нѣсколькихъ шагахъ съ трудомъ можно было что-либо разглядѣть. И долго еще, до глубокой ночи слышенъ былъ въ русскомъ станѣ глухой шумъ отъ повозокъ и орудій, тянувшихся по цражскому мосту. Это уже было рѣшительное отступление всей польской арміи. Утромъ надъ Прагою показались густые клубы дыма и большое пламя: поляки сжигали и разру-

шали выстрѣлами дома, чтобы очистить пространство, необходимое для защиты тет-дю-пона. Неожиданный пожаръ этого предмѣстія былъ какъ бы отвѣтомъ на обманчивую надежду, что въ это утро польская армія сдастся на капитуляцію.

Такимъ образомъ, наша блестящая, но недовершенная побѣда не принесла намъ ожидаемыхъ выгодъ. — Нашъ полкъ еще съ вечера отведенъ былъ на бивуакъ къ Грохову, гдѣ расположились и весь гвардейскій отрядъ Цесаревича. На слѣдующій день, вмѣсто необходимаго штурма, войскамъ данъ былъ отдыхъ. Вся русская армія цѣлый день спокойно стояла предъ градскими воротами, ничего не предпринимая. Къ вечеру было очищено поле битвы, войска отодвинуты назадъ, въ свою прежнюю позицію, а на слѣдующее утро, 13-го февраля, въ воскресенье, подъ зеленымъ наметомъ походной церкви, отправлено было торжественное богослуженіе, и поляки тоскливо смотрѣли съ варшавскихъ возвышенностей на русскую армію, сплотившуюся въ громадную каре для празднованія одержанной побѣды.

Черезъ нѣсколько дней польская армія, пользуясь нашимъ бездѣйствіемъ, успѣла вновь организовать и была готова къ новымъ отчаяннымъ битвамъ.

Совершенно оставя намѣреніе штурмовать Прагу, фельдмаршалъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи войскъ и рѣшился—отложивъ наступательныя дѣйствія до болѣе благоприятнаго времени, или по крайней мѣрѣ до вскрытія Вислы, перевести войска для отдыха на тѣсныя квартиры и изыскать средства для обезпеченія продовольствія, по случаю предполагаемой въ будущемъ переправы черезъ Вислу. Нашъ полкъ, въ составѣ гвардейскаго отряда, отошелъ сначала къ Милоснѣ, гдѣ до 23-го февраля простоялъ на бивуакахъ, при отвратительной погодѣ и недостаткѣ въ продовольствіи, а затѣмъ выступилъ на отведенныя ему тѣсныя квартиры въ деревнѣ Трояново ¹⁾.

---

¹⁾ Гвардейскій отрядъ помѣстился въ районѣ отъ Желехова до Горжно.

Во время бивуакированія при Милоснѣ мы въ теченіи цѣлыхъ семи дней не имѣли ни хлѣба, ни соли, ни воды; одно только мясо было въ изобиліи, но варилось въ совершенно прѣсномъ видѣ и безъ всякой приправы; оно вскорѣ опротивѣло людямъ до-нѣльзя, такъ что не смотря на весь голодъ, его почти не употребляли въ пищу. Лошади тоже голодали.

Конскую убыль нашу сначала хотѣли-было пополнить изъ полковъ литовской уланской дивизіи, но потомъ эта мысль оставлена, и вмѣсто того приказано уравнивать эскадроны наличными лошадьми, сдѣлавъ оныя въ 123 лошади каждый, а остальныхъ выключить изъ описей ¹⁾.

17-го (29-го) марта русская армія выступила изъ мѣстъ своего расположенія, и направилась въ пункты, назначенные для переправы черезъ Вислу. Грунтъ земли повсюду былъ еще вязокъ. Дороги, не совсѣмъ-то хорошія и въ лучшее время года, сдѣлались теперь почти непроходимыми, и движеніе, въ особенности артиллеріи и обоза, соединялось съ крайними затрудненіями: подъ орудія и фуры приходилось впрягать по пятнадцати лошадей, которыхъ по неволѣ брали изъ фронта, чтобы вытаскивать пушки изъ грязи, гдѣ онѣ утопали безпрестанно. Люди наши тоже чрезвычайно терпѣли при этихъ изнурительныхъ переходахъ, которые вдобавокъ были еще весьма велики по числу верстъ. Утомленные солдаты кучами падали на землю, и не только молодые, но и старослуживые, на упреки своихъ начальниковъ, отвѣчали: «мы болѣе не можемъ, мы выбились изъ силъ». Продовольствіе было отвратительное, такое же какъ и на милоснинскомъ бивуакѣ. Подвозы прибывали къ арміи съ величайшими затрудненіями, окрестная же страна почти ничего не давала ни добровольно, ни силою. При такихъ-то условіяхъ нашъ полкъ передвинулся на квартиры къ Коцку и сталъ въ деревнѣ Тхоржевекъ; и вотъ, русская армія изъ наступательнаго поло-

¹⁾ Приказъ по полку отъ 23-го февр. 1831 г. § 2. Журн. исх. б. 1831 г. отъ 16-го марта, № 168 и Журн. вх. б. 1831 г. отъ 28-го мая, № 493.

*

женія, неожиданно для самой себя, приведена была вдругъ къ оборонѣ.

Здѣсь получено было извѣстіе о выступленіи значительныхъ силъ изъ Варшавы, что понудило 6-й корпусъ, оставленный противъ польской арміи на брестскомъ шоссе, отступить по направленію къ Бресту. Извѣстіе это было причиною, что переправа, предположенная фельдмаршаломъ, была отсрочена и армія двинулась внизъ по правому берегу Вислы, съ цѣлью выдти во флангъ и въ тылъ польскимъ войскамъ, наступавшимъ по брестскому шоссе противъ 6-го корпуса. Сообразно этому движенію русской арміи, нашъ полкъ, въ составѣ гвардейскаго отряда, 23-го марта перешелъ въ Рыки, чтобы 25-го числа выступить на позицію къ Вилешину, за ручьемъ Окржейцею. 24-го фельдмаршалъ собралъ въ Рыкахъ военный совѣтъ, на которомъ—принявъ во вниманіе недостатокъ продовольствія, имѣвшагося всего на три—на четыре дня, было рѣшено—совершить фланговое движеніе къ Сѣдльцу и Бресту, дабы приблизиться къ нашимъ магазинамъ, и тамъ вновь организовать продовольственную часть. Вслѣдствіе этого гвардейскій отрядъ перешелъ въ Радзинъ и потомъ придвинулся къ Лукову. Здѣсь, не смотря на расположеніе на тѣсныхъ квартирахъ, предписано было «наблюдать самую дѣятельную военную осторожность» и собираться «при малѣйшей тревогѣ»¹⁾. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы быть теперь если не въ Варшавѣ, то хоть стоять предъ нею, русская армія значительно подалась назадъ, и во многихъ отношеніяхъ ощущала проигрышъ: убыль въ людяхъ, потеря въ занятомъ пространствѣ территоріи, упадокъ въ собственномъ и общественномъ мнѣніи и, что хуже всего, довѣріе къ фельдмаршалу было поколеблено. . . . Въ Варшавѣ же, во все это время, господствовали общая радость, надежды и ликование. Счастливыя извѣстія слѣдовали

---

¹⁾ Приказъ по полку отъ 3-го апрѣля 1831 г. § 4.

одно за другимъ. Русскіе плѣнные, принадлежавшіе въ бывшему литовскому корпусу, безпрестанно, при барабанномъ боѣ, съ триумфомъ водились назадъ и впередъ по улицамъ, на показъ празднои толпѣ. Наступили дни католической пасхи. Освященные яства (święcone) въ громадномъ количествѣ доставлялись изъ Варшавы на рѣговѣны въ лагерь, гдѣ все полно было изобилія, надеждъ и самоувѣренности. А въ нашемъ разбросанномъ станѣ въ это время свирѣпствовала холера. Зараженные полки постоянно были отдѣляемы отъ прочихъ, но это не помогало: болѣзнь приняла эпидемическій характеръ, а вмѣстѣ съ нею пошли еще изнурительныя и нервныя лихорадки, развившіяся вслѣдствіе бивуаковъ на болотистыхъ мѣстностяхъ. Впрочемъ, нашъ полкъ, говоря относительно, пострадалъ чуть ли не менѣе всѣхъ остальныхъ: 7-го апрѣля у насъ заболѣли три человѣка явными признаками холеры, изъ нихъ двое умерли; 11-го апрѣля отправили мы въ луковскій госпиталь шесть человѣкъ, да еще въ началѣ іюня тоже шесть въ госпиталь виленскій ¹⁾. Главное медицинское управленіе посопѣшило рекомендовать арміи предупредительныя средства, которыя тогда почитались дѣйствительными, и начальство предписало постоянно жечь на бивуакахъ соснякъ и можжевельникъ, для очищенія воздуха ²⁾. Нашъ полковой медикъ Држевицкій, со своимъ помощникомъ, старшимъ фельдшеромъ Захаровымъ, относительно холерныхъ больныхъ дѣйствовали весьма успѣшно, и за это, а равно и въ воздаяніе трудовъ ихъ во время Гроховской битвы, Государь Императоръ пожаловалъ первому брилліантовый перстень, а второму сто рублей награжденія ³⁾.

Главные силы поляковъ стояли у Калушина. Болотистая рѣчка Костржинъ прикрывала ихъ позицію съ фронта и дѣлала

---

¹⁾ Журн. исход. бум. 1831 г. отъ 7-го апрѣля № 194, отъ 11-го апрѣля № 200. Приказы по полку отъ 4-го и 3-го іюня § 3 и § 2.

²⁾ Приказъ по полку отъ 18-го апрѣля, § 4.

³⁾ Приказъ по полку отъ 16-го мая 1831 г., § 2.

ее недоступною для нападенія. Графъ Дибичъ рѣшился атаковать правый флангъ противника и, если возможно, отбросить его армію къ Бугу, отрѣзать ее отъ Праги и Модлина, а затѣмъ, положить конецъ войнѣ генеральнымъ сраженіемъ. Въ силу этого рѣшенія, 12-го апрѣля армія предприняла движеніе впередъ. До сего времени стояла прекрасная весенняя погода, но 11-го числа, какъ разъ наканунѣ нашего выступленія, послѣ полудня вдругъ хлынулъ проливной дождь. Весь вечеръ и всю ночь продолжалось ненастье. На слѣдующее утро небо прояснилось-было на минуту, но когда мы начали наше движеніе, дождь опять разразился съ новою силой и лилъ какъ изъ ведра, а необыкновенной величины градъ переранилъ много людей и лошадей. Вскорѣ дороги были уже затоплены водою, рѣки выступили изъ береговъ и мосты поносило. Такимъ образомъ, произошла досадная остановка въ движеніи, быстрота котораго была такъ необходима. Тащились мы черезъ лѣсъ, и чтобы имѣть возможность двигать артиллерію, людямъ приходилось вязать фашины и застилать ими скверную лѣсную дорогу. 14-го апрѣля, около одиннадцати часовъ утра, мы подошли къ мѣстечку Минску и завязали дѣло съ неприятелемъ, который тотчасъ же началъ отступленіе по направленію къ Прагѣ; но болѣе существеннаго участія въ дѣлѣ не довелось принять нашимъ уланамъ. Пѣхота хотя и выбила изъ мѣстечка польскій арріергардъ, однако ретирада была исполнена въ отличнѣйшемъ порядкѣ, черезъ что нашъ фельдмаршалъ не достигъ своей цѣли: ему не удалось отрѣзать отъ Праги и припереть къ Бугу не только армію, но и ни одного отряда, да и отъ сраженія противникъ искусно уклонился; къ тому же во всей окрестной странѣ не оказалось ни малѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ: ни припасовъ, ни фуража, ни даже соломы. Все это побудило графа Дибича вновь отвести армію за болотистый Костржинъ, къ Сѣдльцу, чтобы сблизить ее съ продовольственными магазинами и выждать въ обозначенной позиціи другаго болѣе удобнаго случая. Возвраща-

тись 18-го апрѣля въ окрестности Сѣдльца, полкъ нашъ расположился въ селеніи Жуково. Это неудачное движеніе впередъ и отступленіе къ прежнимъ пунктамъ еще болѣе породило въ русской арміи духъ недовольства и порицанія: оно какъ-бы послужило только къ тому, чтобы напомнить непріятелю о необходимости соблюдать еще бѣльшую осторожность.

19-го апрѣля (1-го мая) приходился первый день нашей православной Пасхи. Къ этому времени армія нѣсколько подбодрилась. На бивуакахъ солдаты занимались постройкою зеленыхъ шалашей изъ недавно распутившихся смолистыхъ березокъ и съ радостію ожидали рѣзговѣнья послѣ продолжительнаго полугоднаго поста. Множество маркитантовъ съ напитками и съѣстными припасами прибыли изъ Россіи. Нашъ полковой Юська Литванъ тоже успѣлъ смахать въ Брестъ и вернулся къ полку съ нѣсколькими жидовскими фурами, гдѣ было у него запасено всего, что называется, въ волю: и винъ и табаку, и разныхъ консервовъ, и «деликатесовъ»; поэтому мы встрѣтили Свѣтлое Воскресенье по праздничному, и въ разныхъ увеселеніяхъ не было у насъ недостатка. Заутреню отслушали мы при Лейбъ-Гвардіи Литовскомъ полку, послѣ чего тамъ же участвовали въ церковномъ парадѣ ¹⁾. Генералъ Марковъ устроилъ у себя рѣзговѣнье, и весь день проведенъ былъ нашими офицерами вмѣстѣ, одною братскою семьею. Полное спокойствіе и живое веселіе господствовало на бивуакахъ, какъ вдругъ въ отдаленіи раздались пушечные выстрѣлы, звукъ которыхъ съ каждой минутой становился какъ будто ближе и сильнѣе... Раздался трубный звукъ тревоги; люди бросились къ конямъ, но черезъ четверть часа все умолкло и вскорѣ велѣно было разсѣдлывать. Оказалось, что поляки вздумали сдѣлать нападеніе на наши форпосты, но были отбиты, потерявъ нѣсколько людей убитыми и плѣнными. Остальные часы этого дня покой нашъ не нарушался.

¹⁾ Приказъ по полку отъ 18-го апрѣля 1831 г. § 2.

Безъ малаго двѣ недѣли послѣ этого простояли мы въ совершенномъ бездѣйствіи. Но вотъ, на бивуакахъ распространились вдругъ слухи, что шпионы донесли фельдмаршалу, будто поляки намѣреваются на 1-е (13-е) мая ударить на русскую армію всѣми своими силами. Тотъ же самый слухъ подтверждали и показанія плѣнныхъ, захваченныхъ на аванпостахъ. Дибичъ рѣшился предупредить это нападеніе и быстро двинуться противъ неприятельскаго центра, въ надеждѣ, если поляки опять не уклонятся отъ боя, по крайней мѣрѣ, отрѣзать часть ихъ арміи вмѣстѣ съ обозомъ. Съ этою цѣлью онъ назначилъ на 1-е мая нападеніе на Калушинъ, при чемъ были приняты, повидимому, всѣ мѣры для сокрытія нашихъ намѣреній отъ противника, а для лучшаго сохраненія тайны, диспозиція сего движенія разслана была въ войска за часъ до его начала. Въ позднія сумерки двинулся нашъ полкъ въ составѣ гвардейскаго отряда и вскорѣ въ совершенной тишинѣ миновалъ русскіе форпосты, нарочно оставленные на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Темнота облачной и нѣсколько хмурой ночи какъ нельзя болѣе благопріятствовала движенію—и вотъ, въ полночь достигли мы высотъ у Яблонны и расположились позади ихъ въ боевомъ порядкѣ. Велѣно было соблюдать величайшую тишину и отнюдь не разводить огней. Все это питало въ войскахъ надежду, что мы застигнемъ неприятеля въ располхъ, навалимъ на него, какъ снѣгъ на голову,— а онъ межъ тѣмъ зналъ уже обо всемъ и былъ заранѣе приготовленъ.... На разсвѣтѣ все дѣло ограничилось незначительною стычкой, среди которой поляки съ достоинствомъ продолжали свое отступленіе, кидались въ штыки и упорно отстаивали одну позицію вслѣдъ за другою, давая тѣмъ самымъ время уходить своимъ обозамъ.

Лѣссистая мѣстность не позволила Дибичу даже опредѣлить съ приблизительною точностію количество силъ неприятеля. Потерявъ цѣлый день на позиціи у Минска, гдѣ было остановлено дальнѣйшее наше наступленіе, мы на разсвѣтѣ слѣдую-

щаго дня (2-го мая) повернули назадъ, въ прежнее свое расположеніе. День былъ печальный: съ ранняго утра шелъ проливной дождь, а къ этому физическому неудобству вновь присоединилось чувство неудовольствія и обманутыхъ ожиданій. Люди положительно роптали, и это было понятнымъ слѣдствіемъ постоянныхъ тяжелыхъ лишеній, повальныхъ болѣзней, частыхъ передвиженій взадъ и впередъ безъ видимой и опредѣленной цѣли и, наконецъ, естественнымъ результатомъ продолжительнаго бездѣйствія, которое томить и какъ-бы притупляетъ и умъ, и возбужденное чувство, тѣмъ болѣе когда солдаты сознавали, что они исполнили все, что лишь отъ нихъ зависѣло, а дѣло все-таки ни на шагъ не подвинулось. Фельдмаршалъ казался солдатамъ черезъ-чуръ холоднымъ, недосыгаемымъ и чуждымъ для нихъ начальникомъ. Конечно, все это не было бы замѣчено, если бы успѣхъ постоянно сопровождалъ его дѣйствія, но увы!—до сихъ поръ успѣхъ оставался большею частию на сторонѣ непріятеля. Въ войскѣ страдало его русское самолюбіе и военное чувство.

8-го (20-го) мая въ главной квартирѣ получено было извѣстіе, что гвардейскій корпусъ, двигавшійся изъ Петербурга и расположившій уже свой корпусный штабъ въ городѣ Ломжѣ, на ковенскомъ шоссе, былъ атакованъ превосходными силами противника и, тѣснимый имъ, вынужденъ отступитъ къ Тыкочину. Это обстоятельство побудило графа Дибича двинуться на помощь гвардіи. Для охраненія же брестскаго шоссе и сѣдлецкихъ запасныхъ магазиновъ, былъ оставленъ значительный отрядъ, въ составъ котораго вошелъ и нашъ полкъ, вмѣстѣ съ подольскими кирасирами. Но на другой же день нашей бригадѣ дано было новое назначеніе. Узнавъ объ экспедиціи Хлаповскаго въ Бѣлостокскую область, фельдмаршалъ прислалъ генералу Кноррингу повелѣніе—немедленно двинуться съ его бригадой и восемью конными орудіями черезъ Дрогичинъ въ Бѣльскъ, для прикрытія Бѣлостокской области, а главное—для энергическихъ дѣй-

ствій въ Бѣловѣжской пуцѣ, куда первоначально думалъ-было направиться Хлаповскій.

12-го мая бригада наша перешла Бугъ у Дрогичина и 14-го была уже въ Бѣльскѣ. Здѣсь провели мы цѣлую недѣлю въ погскахъ и развѣдкахъ о Хлаповскомъ, который межъ тѣмъ, ловко проскользнувъ между гвардейскимъ корпусомъ и главными силами Дибича, взялъ совсѣмъ другое направленіе. Это обстоятельство измѣнило назначеніе нашего отряда: генералу Кноррингу предписано идти въ Гродну и тамъ дожидаться прибытія графа Куруты, начальника штаба войскъ Цесаревича Константина, съ тѣмъ, чтобы поступить подъ его начальство.

Великій Князь въ это время отѣхалъ уже въ Витебскъ, сдавъ Курутѣ свою варшавскую русскую гвардію ¹⁾, которая получила назначеніе—преслѣдовать корпусъ генерала Гелгуда, вторгнувшійся, послѣ Остроленской битвы, въ Литовскія губерніи и направлявшійся къ Вильнѣ.

23-го мая Кноррингъ съ подольскими кирасирами и нашимъ полкомъ прибылъ въ Гродну, куда черезъ два дня вступилъ и графъ Курута ²⁾. Этотъ послѣдній генералъ никогда еще доселѣ не командовалъ самостоятельно отдѣльною частію и потому непривыкъ къ независимому начальствованію. Преслѣдуя Гелгуда чрезъ Ложу и Тыкочинъ и прибывъ въ Гродну 25-го мая, онъ

---

¹⁾ За исключеніемъ Гродненскаго гусарскаго полка, который еще ранѣе получилъ особое назначеніе.

²⁾ Отрядъ Куруты составляли слѣдующія части:

Л.-Гв. Литовскій полкъ	2 бат.
Л.-Гв. Волынскій полкъ	2 —
6-го Карабинернаго полка	1 —
Л.-Гв. Подольскій кирасирскій полкъ . .	4 э-па
Л.-Гв. Уланскій Цесаревича полкъ . .	4 —
Новомиргородскій уланскій полкъ . . .	4 —
Одна пѣшая и одна конная батареи . . .	20 ор.

Всего: 3 бат. 12 эск. 20 ор. = 5,974 чел.

выступилъ отсюда далѣе только на четвертыя сутки, будучи въ постоянной нерѣшимости что ему предпринять и куда обратиться. Безпрестанно обращаясь за приказаніями въ главную квартиру, въ Пултускъ, онъ наконецъ вызвалъ этимъ рѣзкій отвѣтъ со стороны графа Толя, написавшаго ему, что при движеніи, гдѣ все зависитъ отъ быстроты и рѣшимости, онъ не долженъ ожидать приказаній изъ главной квартиры, которыя при его отдаленіи всегда придутъ черезъ-чуръ поздно, но дѣйствовать по собственному соображенію и пользуясь выгодами минуты ¹⁾). Послѣ этого Курута ускорилъ наконецъ свое движеніе и, переправясь 2-го (14-го) іюня у мѣстечка Меречь черезъ рѣчку Меречанку, прибылъ 4-го числа того же мѣсяца въ Вильну, какъ разъ въ ту минуту, когда тамъ дѣятельно готовились къ бою съ Гелгудомъ. Съ прибытіемъ нашего отряда, русскія силы въ окрестностяхъ Вильны возрасли до 24,000 человекъ.

Вильна, со своими многочисленными костелами и массивными монастырями, красиво раскинута по рѣкѣ Виліи въ песчаной продолговатой долинѣ, ограниченной съ сѣвера высотами Кальваріи, а съ востока Понарскими высотами, лежащими въ восьми верстахъ отъ города и памятными по сраженію 1812 года. На вершинѣ этихъ высотъ стоялъ генералъ Сакенъ. Позиція его была крайне рискована: крутой лѣсистый склонъ ограничивалъ ее съ тылу и частию на флангѣ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ живописно спускается къ самой Виліѣ. Длинная, пзвиллпстая и углубленная дорога вела съ высоты въ долину и представляла собою единственный путь отступленія. Поэтому русскимъ оставалось только побѣдить, или погибнуть. Первая линия генерала Сакена расположилась на плато, впереди Понарской каплицы, на правомъ флангѣ. Нѣсколько отступя отъ первой линіи, стоялъ, въ видѣ репки, Лейбъ-Гвардіи Волынской полкъ съ четырьмя орудіями, а за нимъ расположились эшело-

¹⁾ Ф. Смитъ, ч. II, стр. 483.

нами подольскіе кирасиры и уланы Цесаревича, при конной 12-ти-орудійной батарее. 7-го іюня поляки стремительно и съ большимъ одушевленіемъ атаковали эту позицію. Противъ нашего фланга появился Роландъ, спустившійся съ четырьмя баталіонами въ узкую долину Виліи; но здѣсь онъ былъ столь храбро встрѣченъ Волынскимъ полкомъ, что долженъ былъ отступить на высоты, при чемъ потерялъ весьма много людей, такъ какъ полякамъ, для того чтобы спуститься и потомъ взобраться по крутому склону, приходилось карабкаться и хвататься руками за кустарники, межъ тѣмъ какъ наши стрѣлки, скрытые въ кустахъ по скату, поражали ихъ своими выстрѣлами. Въ дѣйствіяхъ противника не было ни единства, ни связи, и это дало намъ возможность, около часу по полудни, перейти въ наступленіе. Тогда въ рядахъ непріятеля произошло общее замѣшательство; Гелгудъ, въ страхъ своемъ, вообразилъ, что все уже потеряно и сталъ постѣпно отступать, поручивъ генералу Хлаповскому съ его 1-мъ уланскимъ польскимъ полкомъ прикрывать ретраду. Вся кавалерія наша бросилась преслѣдовать поляковъ, которые пустились отъ насъ бѣжать въ неизобразимомъ безпорядкѣ, но.... едва достигли мы до ручья Вака, протекающаго значительно впереди позиціи, какъ вдругъ, къ величайшей досадѣ нашей кавалеріи, сзади раздалась дребезжащая трель «апшеля»!.. Старшіе начальники сочли невозможнымъ отдаляться на большее разстояніе отъ Вильны, а главнѣйшимъ образомъ графъ Курута не захотѣлъ предпринимать ничего рѣшительнаго, до прибытія войскъ графа Толстаго, которому ввѣрено было командованіе резервною арміею. Въ дѣлѣ при Попарахъ нашъ полкъ не понесъ никакой потери. Былъ раненъ осколкомъ гранаты одинъ только корнетъ Земецкій; который двое сутокъ послѣ этого старался кое-какъ перемотаться, въ надеждѣ, что рана его заживетъ и такъ, но 9-го іюня воспаленіе стало принимать довольно угрожающій характеръ, такъ-что Земецкаго, противъ

воли, должны были свезти и сдать въ виленскій госпиталь, гдѣ пришлось ему пролечиться довольно долгое время ¹⁾).

Между тѣмъ выжиданіе нашихъ военачальниковъ привело къ тому, что послѣ блистательно выиграннаго дѣла, мы двинулись преслѣдовать противника только на пятый сутки (12-го іюня), когда онъ уже былъ далеко и успѣлъ нѣсколько оправиться. Тѣмъ не менѣе, сраженіе при Понарахъ все-таки нанесло смертельный ударъ и экспедиціи Гелгуда, и вообще всему дѣлу литовскихъ инсургентовъ. Съ этихъ поръ все стало клониться къ ихъ гибели.

Съ прибытіемъ резервной арміи, русскія силы въ окрестностяхъ Вильны возрасли до 40.000 человекъ, — втрое болѣе того, что могъ противопоставить непріятель. Поэтому всѣ ожидали блестящихъ результатовъ и совершеннаго уничтоженія Гелгуда. 12-го іюня войска двинулись для преслѣдованія двумя колоннами: лѣвая—подъ начальствомъ князя Хилкова, наступавшая по большой ковенской дорогѣ, и правая, которую велъ графъ Курута въ направленіи на мѣстечко Яново. Въ составѣ этой послѣдней колонны находился и Лейбъ-Гвардіи Уланскій Цесаревича полкъ. Слѣды непріятельскихъ войскъ въ это время были уже совершенно потеряны; мы имѣли только самыя неопредѣленные слухи объ ихъ направленіи, и двигались словно бы ощупью въ потемкахъ. Упустивъ первоначально противника изъ виду, наши военачальники не знали теперь гдѣ именно находятся его главные силы, предполагали ихъ на всѣхъ пунктахъ, и потому не рѣшались вести быстрое и смѣлое наступленіе. 16-го іюня авангардъ графа Куруты, не доходя Янова, открылъ незначительный отрядъ противника и завязалъ канонаду, но поляки, обмѣнявшись съ нами нѣсколькими снарядами, очистили мѣстечко и поспѣшно отступили съ Кейданамъ. При каждой встрѣчѣ съ русскими отрядами, противникъ отступалъ, видимо избѣгая боевыхъ дѣлъ, и такимъ обра-

---

¹⁾ Журн. исх. б. отъ 9-го іюня 1831 г. № 239.

зомъ къ 20-му іюня вся оборонительная линія инсургентовъ зарѣбками Виліей и Свѣнтой была нами прорвана на всѣхъ пунктахъ, безъ особыхъ усилій и почти безъ боя.

Въ это время получено было горестное извѣстіе о кончинѣ нашего Августѣйшаго Шефа. Тяжелымъ ударомъ отозвалась эта вѣсть въ средѣ нашего полка, который въ лицѣ Великаго Князя лишился не начальника только, но лучшаго стараго друга, роднаго заступника и благодѣтеля. Уланы словно бы осиротѣли. Графъ Курута, долго остававшійся неразлучнымъ сослуживцемъ Его Высочества, тоже былъ глубоко пораженъ этимъ печальнымъ событіемъ и немедленно отправился въ Витебскъ, къ смертнымъ останкамъ почившаго. Въ это же время отъ нашего полка, для сопровожденія тѣла Цесаревича, отправлена была особая депутація, въ составъ которой вошли: ротмистръ баронъ Притвицъ, какъ командиръ Шефскаго эскадрона, ротмистръ Калагеоргій, унтеръ-офицеръ Николай Малафѣевъ и рядовой Василій Бойченко; послѣдніе двое, при жизни покойнаго, пользовались его особенною любовью ¹⁾).

Государь Императоръ, какъ бы желая утѣшить и смягчить горестъ нашей утраты, прислалъ съ нарочно командированнымъ флигель-адъютантомъ особый Высочайшій приказъ въ гвардейскія части бывшаго варшавскаго отряда.

«Храбрые воины!» говорилось въ этомъ приказѣ:—«Многолѣтняя служба ваша подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича всегда сопровождалась пламеннымъ усердіемъ и непоколебимою вѣрностью, достойными истинныхъ сыновъ отечества. Полки ваши, обязанные Его Высочеству своимъ существованіемъ и отличнымъ устройствомъ, вполнѣ оправдали искреннюю заботливость и особенное довѣріе, коими Его Высочество постоянно васъ удостоивалъ. Въ то время, когда пламень бунта возгорѣлся въ Варшавѣ, когда толпа извер-

---

¹⁾ Мѣсячн. отчеты полка за 1831 г. (Полк. арх. № 12790).

говъ, забывъ долгъ присяги, забывъ все священное для христіанина и вѣрнопопданнаго, обнаружила злодѣйскіе умыслы на особу Его Высочества, вы единодушно собрались къ знаменамъ вашимъ и, готовясь кровію своею защитить начальника и благодѣтеля вашего, показали столько же непоколебимой вѣрности къ Престолу и Отечеству, сколько личной любви и преданности къ Его Высочеству. Послѣ выступленія изъ Варшавы, вы, преодолевая всѣ трудности и недостатки, бодро слѣдовали за своимъ начальникомъ въ предѣлы отечества. Здѣсь, соединясь съ храбрыми товарищами вашими, шедшими на усмиреніе мятежниковъ, вы ревностно исполняли всѣ назначенія начальства, и два полка ваши, Лейбъ-Гвардіи: Уланскій Его Высочества Цесаревича и Волынскій, равно и обѣ батареи, при первой встрѣчѣ съ мятежниками, 13-го февраля и 7-го іюня, отличною храбростію, мужествомъ и твердостью стяжали полное одобреніе начальства и особенное Мое благоволеніе. Промыслу Всевышняго угодно было, чтобы Я непосредственно послѣ радостной вѣсти о новыхъ подвигахъ нашего воинства подъ Вильною, въ конхъ и вы участвовали, получилъ скорбное извѣстіе о кончинѣ Его Высочества Цесаревича, любезнѣйшаго Моего брата, а вашего начальника и благодѣтеля. Сокрушаясь о сей потерѣ, Я посылаю къ вамъ флигель-адъютанта Моего, полковника графа Толстаго, чтобы лично извѣститъ васъ о герестной потерѣ, насъ постигшей, и изъяснить вамъ особенную Мою признательность за долговременную, вѣрную и ревностную службу вашу подъ начальствомъ Его Высочества, равно какъ и твердое Мое упованіе, что и на будущее время всѣ вы потщитесь на полѣ чести приобрѣсть еще болѣе права на Мое благоволеніе и признательность. Храбрые воины! Вы лишились непосредственнаго начальника, вамъ благодѣтельствовавшаго; но служба ваша останется незабвенною предъ вашимъ Государемъ и Отечествомъ. Продол-

жайте служить съ такимъ же отличіемъ,—и благоволеніе Мое къ вамъ пребудеть навсегда неизмѣннымъ» ¹⁾).

ЦЕСАРЕВИЧЪ немногимъ пережилъ фельдмаршала графа Дибича, который умеръ въ жестокихъ страданіяхъ отъ холеры. На мѣсто Дибича назначенъ былъ новый главнокомандующій—графъ Паскевичъ Эриванскій, съ прибытіемъ коего сразу поднялся духъ и оживились надежды русскаго войска. Это оживленіе проникло и въ нашъ гвардейскій отрядъ, въ особенности когда, вмѣсто отбывшаго графа Куруты, начальство надъ правою колонною принялъ графъ Крейцъ, незадолго предъ тѣмъ пріѣхавшій къ арміи графа Толстаго. Съ новымъ начальникомъ у насъ стало проявиться болѣе дѣятельности въ военныхъ операціяхъ. Между прочимъ, поручикъ Уланъ 1-й ²⁾ былъ командированъ 22-го іюня съ сотнею линейныхъ казаковъ на поискъ противъ мятежниковъ. На другой день, встрѣтивъ у мѣстечка Бейсаголы эскадронъ польскихъ уланъ, онъ съ лихостью тотчасъ же атаковалъ его и врубился въ строй противника, шедшаго на встрѣчу. Мятежники разсѣялись, оставивъ на мѣстѣ убитыми одного офицера и 37 нижнихъ чиновъ. ³⁾ Въ этотъ же день генералъ Кноррингъ съ гвардейскимъ отрядомъ былъ направленъ чрезъ мѣстечко Датновъ противъ Роланда. Преслѣдованіе это окончилось тѣмъ, что поляки, тѣснимые съ разныхъ сторонъ русскими отрядами, вынуждены были бѣжать изъ Лит-

---

¹⁾ Приказъ отъ 21-го іюля 1831 г., данный въ Александріи, близъ Петергофа. Экземпляръ этого приказа, за собственноручною подписью Императора Николая Павловича, хранится въ нашемъ полку, въ числѣ наиболее драгоцѣнныхъ документовъ.

²⁾ Семенъ Гавриловичъ, родной братъ юнкера, бѣжавшаго изъ плѣна. Скопчавшись въ 1841 году, на службѣ въ нашемъ полку, въ чинѣ полковника, Уланъ былъ похороненъ въ недалекомъ разстояніи отъ Муравьевскихъ казармъ, на берегу Волхова, среди пустыннаго поля, подъ сѣнью нѣсколькихъ деревьевъ, гдѣ товарищи соорудили ему скромный памятникъ, извѣстный и доселѣ въ средѣ мѣстныхъ обывателей подъ нѣсколько романтическимъ названіемъ «могила улана».

³⁾ В. Матвѣевъ, стр. 32.

вы и перейти на прусскую территорию, где и были обезоружены.

По окончании этой экспедиции, гвардейский отряд, 9-го июля, вступил в Ковну. Здесь рано утром 13-го числа отслужили мы панихиду по Великому Князю Константину ¹⁾. Весь полк, до послѣдняго человѣка, присутствовалъ при этомъ богослуженіи, и когда раздались торжественно-мрачные аккорды «Со святыми упокой», въ рядахъ уланъ, упавшихъ на колѣна, слышались рыданія . . . Почти не было человѣка, у котораго глаза не увлажнились бы слезами ²⁾. Послѣ панихиды, полкъ выступилъ изъ Ковны, въ составѣ корпуса, отданнаго подъ начальство графа Крейца, который, въ силу приказанія главнокомандующаго, перешелъ Нѣманъ и тотчасъ же направился черезъ Августовское воеводство на соединеніе съ главными силами арміи, дѣйствовавшей въ Польшѣ. Маршрутъ нашъ лежалъ черезъ Августовъ, Остроленку, Шренскъ и Скомпе на Осекъ, гдѣ была устроена русскими силами переправа черезъ Вислу. Графъ Крейцъ двигался тремя эшелонами, изъ коихъ первый, заключая въ себѣ гвардейскій отрядъ, состоялъ подъ начальствомъ генерала Кнорринга. Нашъ полкъ постоянно находился въ авангардѣ. Это движеніе, чрезвычайно опасное для поляковъ, — такъ какъ рѣшеніе войны заключалось именно въ своевременномъ прибытіи графа Крейца къ арміи Паскевича— было совершено нами благополучно, благодаря тому, что поляки, занятые въ это самое время исключительно своими политическими дразгами, оставили Крейца безъ всякаго вниманія и какъ бы проглядѣли его рискованный фланговый маршъ мимо Модлина. Во время этого похода, 17-го июля, пришло въ полкъ извѣстіе о новой высокой милости къ нему Государя. Въ этотъ день узнали мы, что на мѣсто покойнаго Цесаревича назна-

---

¹⁾ Приказъ по полку отъ 12-го июля 1831 г. § 1.

²⁾ Разсказъ В. Д. Лобанова.

чается нашимъ шефомъ Великій Князь Мпханлъ Павловичъ ¹⁾.

6-го (18-го) августа полкъ, во главѣ 1-го эшелона, перешелъ въ назначенномъ пунктѣ мостъ на Вислѣ, и здѣсь, совмѣстно съ подольскими кирасирами и гвардейскою легкою № 3-го батареи, получилъ особое назначеніе. Къ небольшому отряду, составленному изъ этихъ частей и отданному подъ начальство Кнорринга, предполагалось придать еще одинъ драгунскій полкъ, изъ числа стоявшихъ у Красневицъ, для исполненія, на случай надобности, пѣхотной службы. Кноррингъ долженъ былъ направиться изъ Осека черезъ Коло къ Калишу, чтобы возстановить спокойствіе въ окрестной странѣ и собрать тамъ продовольственныя средства для арміи ²⁾. Эскадроны нашего полка, чередуясь между собою, во все время этого движенія безмѣнно находились въ авангардѣ ³⁾. На шестыя сутки, 12-го (24-го) августа генералъ Кноррингъ во главѣ своего отряда вступилъ въ Калишъ, не въ смыслѣ непріятеля, но какъ освободитель, при живѣйшемъ изъявленіи радости со стороны жителей ⁴⁾. Возстановивъ здѣсь законный порядокъ онъ съ тою же цѣлью двинулся—было въ Піотрковъ, но 21-го августа получилъ приказаніе вернуться назадъ и расположиться на калишскомъ шоссе, у Красневицъ, гдѣ въ связи съ генераломъ Ренне, охранявшимъ мостъ, онъ могъ господствовать надъ всѣмъ лѣвымъ берегомъ Вислы до самаго Плоцка.

Во время пребыванія нашего отряда въ Красневицахъ, Варшава была взята, и едва совершилось это событіе, какъ фельд-маршалъ приступилъ къ заботамъ о средствахъ дальнѣйшаго

---

¹⁾ Высочайшій приказъ отъ 23-го іюня и приказъ по полку отъ 17-го іюля 1831 г., § 1.

²⁾ Журн. вх. бум. Предписаніе г.-м. Кнорринга отъ 6-го августа 1831 г., за № 712.

³⁾ Приказъ по полку отъ 7-го Августа 1831 г., § 2, и послѣдующіе.

⁴⁾ Ф. Смитъ, Т. III, стр. 437.

продовольствія арміи, дабы тѣмъ самымъ вѣрнѣе обезпечить себѣ дальнѣйшій успѣхъ. Съ этою цѣлью, между прочимъ, Кноррингъ получилъ отъ него приказаніе направить два эскадрона изъ Красневиць въ Лодзь, гдѣ были собраны значительные запасы. Командировка эта досталась на долю 1-го дивизиона нашего полка. Съ остальнымъ же своимъ отрядомъ Кноррингъ долженъ былъ снова двинуться къ Калишу, чтобы препятствовать непріятелю въ его попыткахъ на путь сообщенія съ Осекомъ и въ страну по нижней Вислѣ. Причиною этого назначенія послужило то обстоятельство, что польскій майоръ Піотровскій съ сильною бандой краковскихъ инсургентовъ, 30-го августа (11-го сентября), занялъ Калишъ и произвелъ въ городѣ рядъ насилій и жестокостей, въ особенности съ мѣстными жителями германскаго происхожденія. 1-го (13-го) сентября Кноррингъ явился передъ Калишемъ. Желая избѣжать напраснаго кровопролитія, онъ послалъ къ Піотровскому парламентера, съ предложеніемъ о сдачѣ, такъ какъ Варшава уже покорилась. Піотровскій отвѣчалъ на это нападеніемъ. Выйдя изъ города по шоссе, онъ пытался-было атаковать Подольскій кирасирскій полкъ; взятый однако во флангъ однимъ изъ эскадроновъ сего полка, послѣшно отступилъ въ городское предмѣстье. Здѣсь, получивъ значительную поддержку со стороны польскаго населенія, Піотровскій утвердилъ свою банду въ домахъ и садахъ, но послѣ упорнаго боя выбитъ оттуда тремя спѣшенными эскадронами тверскихъ драгунъ и бѣжалъ въ Краковское воеводство. 2-го сентября генераль Кноррингъ вторично занялъ Калишъ и окончательно подавилъ тамъ крамолу. Взятіе этого города было послѣднимъ дѣломъ, гдѣ участвовалъ нашъ полкъ въ кампанію 1831 года.

